

УДК 001-057.4

ГАБДУЛЛА БАТТАЛ-ТАЙМАС. ИСТОРИЯ ЖИЗНИ ОДНОГО УЧЕНОГО ИЗ КАЗАНИ*

*Али Биринджи, доктор истории,
директор Общества истории Турции им. Ататюрка (г.Анкара)*

Эта история жизни, получившая свое начало в Татарстане и закончившаяся в Турции, представляет собой ненаписанный роман¹. С одной стороны, он стал публицистом политического движения, которое умерло, не успев родиться, унесло и изгнало его далеко. На своей второй родине, в условиях создания нового государства, своими статьями и книгами он внес вклад в его фундамент. Он оставил произведения, ценность которых с каждым пройденным днем мы начинаем все лучше понимать. Цель этой статьи – показать тюркскому миру значимость Габдуллы Баттал-Таймаса как личности и публициста, заслуживающего внимания, которого необходимо еще лучше узнать. Главным образом, статья основывается на двух его мемуарах².

*Ильнур Миргалеев,
кандидат исторических наук*

Рождение, семья, женитьба и переезд

Габдулла Баттал родился 8 декабря 1882 г. в крестьянской семье в деревне Новый Актау Бузулукского уезда Самарской губернии (в оригинале дер. Янга Актау Бузулукского уезда Самарской (Куйбышевской) губернии Татарстана)³. Отца звали Габдулла, деда Мухаммед-Рахим, прадеда Сеид-Баттал. Имя матери – Масрура ханум. Габдулла Баттал был четвертым ребенком в семье (из пяти) и после рождения был наречен Габделбарром, однако позже во время учебы в медресе в Троицке его стали называть Габдельбари⁴.

В 1910 г. Г. Баттал женится на Кафии Вали ханум, родственнице из родной деревни, однако в скором времени она умирает от тифа⁵, и в июне 1913 г. он женится во второй и последний раз

на учительнице русского языка Газизе Шамлы ханум (1884 – 31.10.1975), дочери Джалаледдина и Фатимы⁶. От этого брака у них родился единственный сын Билгивар Таймас (1915 – 28.06.1999)⁷.

После очень бурной и плодотворной жизни Г. Баттал-Таймас скончался в апреле 1969 г. в Стамбуле в возрасте 87 лет. Как отмечалось, Г. Баттал был «среднего роста с карими глазами и пшеничного цвета лицом», 27 апреля был похоронен среди исторических личностей, нашедших свое последнее пристанище на старинном кладбище Караджаахмет⁸.

Годы учебы

Несмотря на наличие двух мемуаров, вышедших из-под его пера, данные о годах учебы Г. Баттала представлены скудно. Иногда информация, которую

* Вступительная статья и редактирование кандидата исторических наук Миргалеева Ильнура Мидхатовича, руководителя Центра золотоордынских исследований Института истории АНТ.

Перевод с турецкого языка Гайнутдинова Дамира Минировича, аспиранта Института истории АНТ.

он дает, лишена прозрачности и категоричности.

Известно, что начавший учиться в родной деревне Г. Баттал в тот период получил большую поддержку от своего старшего брата. Старший из братьев Гарифулла для получения образования отправился в Оренбург и после продолжительного периода окончил медресе, став, по понятиям того времени, «хальфой». Проучившегося несколько лет в деревне Габдельбара брат взял к себе и определил в медресе «Караван Сарай», обучение в котором велось по «бухарской методике»⁹. По утверждению самого Г. Баттала, он проучился там два-три года¹⁰.

Избрание его наставника (устаза) из медресе Хасана хальфы имамом в Каргалах, находящихся недалеко от Оренбурга, стало началом новой вехи в жизни Г. Баттала. Хасан хальфа взял с собой туда несколько способных учеников, среди которых был и Габделбар, как тогда его называли. В то время в Каргалинское медресе приезжали учиться не только со всего Приуралья, но также из Северного и Южного Туркестана. Однако, несомненно, известно одно – с каждым днем пребывания в медресе у него росли любовь и рвение к чтению, а через некоторое время и к сочинительству¹¹.

После того, как однажды он услышал от одного из просвещенных шакирдов медресе Садык хазрата в Каргалах хвалебные отзывы о медресе г. Троицка, он решает поехать в этот дальний город.

В этот период он уже вышел из детского возраста, и, скорее всего, это был конец XIX – начало XX вв. В то время как старший брат Гарифулла и отец посчитали полученное образование достаточным и решили вернуть его в деревню, Г. Баттал покидает Каргалы и через Оренбург и Тузтубу направляется на берега Яика (р. Урал) и Хобды¹² к табынским казахам, где, проработав все лето учителем, скапливает немного денег. Осенью он возвращается в Оренбург и оттуда через Самару на поезде едет в Троицк в медресе шейха Зайнул-

лы. Здесь он меняет свое имя на «Габдельбари». В Троицком медресе («Расулия») более основательно и углубленно изучались арабский язык, тафсир, хадисоведение и другие науки. Становится понятным, что тут на него оказал заметное влияние преподаватель медресе хальфа Сабир Хасани¹³.

Сабир Хасани любил свою профессию, обладал способностью обучать и обучаться и видно, что он также обладал духовным авторитетом среди своих шакирдов. Кроме преподавательской деятельности он занимался и продажей книг, художественных произведений, изданных в казанских типографиях. Благодаря этому в медресе формировалась культурная атмосфера, в которой одновременно уживались и переплетались кадимистская и джадидистская литература. Среди тех, кто благодаря Сабир Хасани был очарован глубокими и трудно описуемыми переживаниями во время чтения книг Гаяза Исхаки, Галиасгара Камала и других молодых писателей, был в том числе и будущий публицист Г. Баттал. Более того, появление его первого произведения «Акмулла» (1903) в этом городе было не случайным. После окончания медресе он получил иджазу (разрешение) и стал хальфой¹⁴.

В этом разделе, посвященном годам учебы, хотелось бы отметить главное – всю жизнь он учился и писал. Это дело им никогда не прерывалось. Он знал несколько тюркских языков. Позже, прожив четыре года в Египте, вместе с классическим арабским, полученным в медресе, он в совершенстве освоил современный арабский язык. Кроме того, он владел русским и финским, мог читать и понимал персидский и французский языки. Своей самореализовавшейся личностью он сильно отличался от своих земляков ученых и просветителей, получивших образование в университетах России и Европы¹⁵.

Профессиональная деятельность

Преподавательскую и служебную деятельность Г. Баттала невозможно

представить под отдельными заголовками, отделив их от творчества, в таком случае придется многое повторять. Поэтому информация о его жизни будет представлена в хронологическом порядке по периодам, однако для меньшего повтора будет сказано в отдельной части о его писательской деятельности и произведениях.

Первые годы преподавательской работы и египетский период

Г. Баттал мог получить иджазу не позднее 1903 г., т.е. когда выпустил первую книгу «Акмулла». Первый педагогический опыт был получен им в Троицке в медресе шейха Зайнуллы Расулева. Из Казани и с прилегающих территорий в то время для получения высшего образования отправлялись в медресе Бухары, Стамбула и Египта. Были и те, кто ездил даже в Индию¹⁶.

Как известно из автобиографии Г. Баттала, он решает отправиться в Египет под влиянием и, возможно, по убеждению возвратившегося оттуда имама Лутфи Исхаки. Прежде чем решиться на это, он также советуется и получает одобрение Зайнуллы Расулева (1833–1917)¹⁷, руководителя медресе «Расулия». Известив старшего брата Гарифуллу, он встречается с ним по пути на одной из станций недалеко от Самары, а затем направляется в Крым. Нужно также отметить, что ехал он по поддельным документам. Наряду с советами Лутфи Исхаки¹⁸, стоит заметить, что на данный выбор большое влияние оказало также и то, что с 1882 г., после английской оккупации, Египет стал прибежищем для большого числа представителей оппозиционной оттоманской интеллигенции, считаясь местом свободомыслия. Поездку ускорила начавшаяся перед русско-японской войной (1904–1905) мобилизация¹⁹. Г. Баттал посчитал в то время более уместным и необходимым уехать в Египет, нежели идти в армию.

С самого начала путь в Египет был полон приключений. После неудачных попыток получить в Крыму паспорт по

подложным документам он купил за четыре российских золотых удостоверение личности у жителя г.Ризе и сел на пароход. После того, как в Стамбуле об этом стало известно, он был арестован и посажен в следственный изолятор жандармерии. Затем он был посажен на поезд с документами, которые имели юридическую силу только до Эскишехира. Зимой 1904–1905 гг. он прошелся по дорогам Анатолии. От Эскишехира на телеге добрался до Карахисара, где чиновник по регистрации населения сделал на его документах запись: «Студент, направляющийся в Священную (букв. «Лучезарную». – *Пер.*) Медину». После этого Г. Баттал на поезде отправился в Измир, где сел на пароход, направлявшийся в Александрию, а оттуда добрался до Каира²⁰.

По прибытии в Каир ему только исполнилось 23 года, но, несмотря на это, он предпочел не поступать в какое-либо медресе. То, что он не испытывал такой потребности, – его особое качество, которое заслуживает внимания. Этот поступок отличал его от других казанских просветителей. В Каире он изучил современный арабский язык и с большим интересом читал произведения и переводы на нем, таким образом расширяя и углубляя свои знания²¹.

Современный арабский язык позволил ему жить трудом своего пера. За гонорары он работал в газете «Аль-Джарида». Здесь из-под его пера, возможно, в первый раз в арабском мире, вышли статьи, посвященные проблемам и культуре тюрок, живущих под российским протекторатом. Они были напечатаны в таких газетах, как «Аль-Мюэйд» и «Аль-Мукаттам», и журнале «Аль-Минар». В то же время, пользуясь арабскими трудами, он написал книгу «Мусульманские философы» и отправил в Казань, где издал ее под псевдонимом «Муса Габдулла»²².

Приехавший весной 1908 г. в Каир Исмаил Гаспринский для ознакомления арабского мира со своими идеями и проблемами тюрок, живущих в России, решил издавать там газету, и для перевода

на арабский язык своих статей по совету земляков взял к себе Г. Баттала. Однако выпускаемая ими газета «Ан-Нахда» не получила ожидаемого интереса и смогла просуществовать только два месяца, выпустив всего 16 номеров. В этом деле главным приобретением для него стало знакомство с Исмаилом Гаспринским. Примерно в этот же период он познакомился с приехавшим в Каир Юсуфом Акчурой и написал о нем в газете «Аль-Мукаддат» краткую заметку²³. Во время пребывания в Каире Россия после поражения в войне с Японией в 1905 г. объявила о Манифесте и созвала Думу (парламент). В него (парламент. – *Пер.*) попало в качестве депутатов и несколько тюрков, например, Садри Максуди. В то же время под влиянием частичных свобод, особенно в Казани и Оренбурге, начинает зарождаться и развиваться тюркская печать²⁴.

Возвращение в Россию и первые годы после приезда (1908–1913)

Летом 1908 г. благодаря стечению обстоятельств Г. Батталу были выданы документы на имя Мусы Габдуллы, по которым он получил паспорт. По чистой случайности он уже пользовался этим именем. Уехав четыре года назад из России писателем-любителем, он возвратился редактором-профессионалом и подданным Великой Порты. Когда по просьбе Исмаила Гаспринского он по пути навестил его в Бахчисарае, то попал на торжества 25-летия газеты «Тарджеман». Здесь он во второй раз встретился с Юсуфом Акчурой²⁵.

После торжеств поменяв феску на шапку, он направился в Оренбург, который покинул 10 лет тому назад. В то время в городе вместе с газетой «Вақыт», главным редактором которой был Фатих Карими²⁶, два раза в месяц выходил журнал «Шура». Журнал «Шура» выпускался дядей Фатиха Карими, историком и редактором Ризаэтдином Фахреддином, и привлекал внимание всех своим насыщенным содержанием и уровнем. Баттал познакомился с этими двумя знаменитыми личностями и в

«Вақыт» стал публиковать статьи под псевдонимом. По приезде из Оренбурга в Троицк его призвали в армию, где он отслужил солдатом, пока не был демобилизован по болезни домой. В начале весны 1909 г. снова возвратился в Оренбург, где до лета 1910 г. в «Вақыт» и «Шура» опубликовал большое количество статей²⁷.

По настоянию друзей он снова приехал в Троицк, где с весны 1910 г. до начала осени 1913 г. три года проработал в частной школе преподавателем истории и литературы и женился во второй раз. После этого брака по любви решил переселиться в Казань. Скорее всего, в этом решении большую роль сыграла его жена Газиза Шамлы²⁸.

Годы в Казани (1913–1917)

Этот период жизни Г. Баттала оказался самым спокойным. Газета «Юлдуз», которую с 1906 г. начал выпускать Ахмадхади Максуди²⁹, получила путевку в жизнь после Манифеста 1905 г. и была единственной из восьми тюркских газет, просуществовавшей до 1913 г. Вслед за женитьбой³⁰ в середине лета (в июне) 1913 г. после настойчивых предложений от своих друзей он начал работать в Казани журналистом и редактором. Среди сделавших это предложение был журналист этой газеты Галимджан Ибрагимов³¹.

Первые статьи Г. Баттала в газете «Юлдуз» были напечатаны, когда он работал еще учителем. В первое время все статьи этой популярной еженедельной газеты, которая давала полезные советы и не имела в содержании глубокого смысла, писались А.Х. Максуди. Позже газета пополнилась еще 2–3 журналистами и приобрела более солидный вид. Читателями газеты были преподаватели, городские и деревенские предприниматели. Позже тираж газеты увеличился, и она стала выходить три раза в неделю.

Во времена Г. Баттала газета «Юлдуз» стала выходить пять раз в неделю и получила имидж газеты, ориентированной на прогрессивную интеллигенцию. Зимой 1913–1914 гг. он едет в

Москву, чтобы навестить свою жену Газизу ханум, которая преподавала в школе Шамси Асадуллаева, уроженца Кавказа. Он был одним из тех, кто принял участие как редактор газеты «Юлдуз» на съезде, созванном в июне 1914 г. в Петербурге по инициативе мусульманских депутатов Думы для обсуждения религиозно-культурных проблем российских мусульман³².

В этот период одним из журналов, где печатались его статьи, стал журнал «Мектеп». Среди просветителей, являвшихся авторами этого журнала, начавшего выходить 21 февраля 1913 г., были знаменитые просветители А. Хади Максуди, Садри Максуди (Арсал), Гаяз Исхаки, Габдулла Тукай, Галимджан Ибрагимов, Заки Валиди (Тоган) и Фатих Амирхан, свое место рядом с ними нашел и Габдулла Баттал-Таймас³³.

Статья от 16 марта 1917 г., написанная сразу после получения известия об отречении от престола царя Николая II от своего и от имени сына, стала причиной ухода Г. Баттала из газеты «Юлдуз». Когда его статья из-за чрезмерной политической предосторожности его владельца, А.Х. Максуди, была изменена до неузнаваемости и напечатана в таком виде, он потребовал напечатать оригинал статьи, а услышав в ответ отказ, уволился. Возможно, это был первый разрыв (раздор) между казанскими тюрками, который породила революция. Свой разрыв Г. Баттал разъяснил своим читателям в письме, напечатанном в газете «Кояш»³⁴.

Революция и выезд из России (1917–1921)

В России через 12 лет после Манифеста 1905 г., во второй раз, 15 марта 1917 г. был издан Манифест, в котором царь Николай II отрекся от престола в пользу брата Михаила. Это всколыхнуло весь тюркский мир и стало поводом появления больших волнений и надежд³⁵. Но вскоре эти надежды сменились большими мучениями и разочарованиями. Несомненно, Г. Баттал тоже находился на этом поприще и был сре-

ди той части интеллигенции, которой пришлось в конце этого пути покинуть родину.

Организации, пресса и подготовка учебников в годы революции (1917–1918)

Если говорить о революции 1917 г., то казанские тюрки, не имевшие политического образования, имели слой интеллигенции, значимость которого недооценить трудно. Тем не менее у них отсутствовали ясная и всеми принятая политическая задача и программа. Новая обстановка, возникшая после революции, и отсутствие авторитета после устранения царского правления привели к возможности и необходимости сформировать общественные организации, поэтому хоть какое-то время все действовали вместе.

Милли Шура, созданная в Казани в первые годы революции, должна была заниматься созданием организаций и решением национальных проблем мусульман в связи со сложившимися обстоятельствами. Ее возглавлял Фуад Туктаров, в ее состав входил также Г. Баттал. Они выпускали газету «Курултай»³⁶. Другая группа, считая, что Милли Шура является партией богатых и духовенства, создала альтернативную организацию и стала выпускать газету «Аваз». Ее лидером был Шахид Ахмадиев, она опиралась на мелких торговцев. Третью группу образовали сторонники революции, то есть татарские большевики, во главе с Муллануром Вахитовым³⁷ и его соратниками. Объединившись вокруг рабочих, они стали выпускать газету «Кызыл Байрак». В России того времени интеллигенция разных народов была похожа на не слышащих друг друга певцов одного и того же хора. Каждый что-то говорил, но не слушал, о чем говорят другие³⁸.

Милли Шура, желая помочь другим регионам в создании политических организаций, послала с этой целью в Туркестан делегацию. Г. Баттал также вошел в состав этой делегации, по предложению жившего тогда в Моск-

ве Гаяза Исхаки³⁹, который написал об этом в одной из своих статей в газете «Иль». Делегация в первую неделю июня (1917) с речного вокзала Казани направилась в Самару, а оттуда на поезде в Оренбург – второй по значимости центр казанских тюрков. В делегацию также входили Изетдин Сайфульмулюк и Бурхан Хабиб. У Таймаса в городе находились старший и младший братья, а у И. Сайфульмулюка – семья. Перед этой ответственной поездкой в Туркестан они хотели встретиться с местной интеллигенцией и прогрессивным населением города⁴⁰.

Когда они на поезде из Оренбурга через Тузтубе добрались до Ташкента, встретились с председателем Шура-и Ислам Мунавваром Кари (Мунаввархан Абдуррашидханов). Г. Баттал описывает его как восточного дипломата. Тут не было возможности реализовать свои планы. Шура-и Ислам смогла выпустить только один журнал; кроме того, по словам самого Г. Баттала, кроме кулуарных речей и выступлений под открытым небом сделать ничего не удалось. Здесь тюрки, как и в Казани, разделились на три группы. Кроме Шура-и Ислам вторую группу составил «Общество улемов» – в него вошло оппозиционное Мунаввару Кари духовенство, а третью группу составила «левая» молодежь. Здесь от имени делегации практически выступал только Г. Баттал. Тут он встретился с Садри Максуди (Арсалом), одним из депутатов Думы от тюрков, находившегося здесь в качестве члена Туркестанского комитета, который в условиях революции должен был временно управлять Туркестаном⁴¹.

К концу июня Г. Баттал покинул Ташкент с большими разочарованиями, но все же нашел хорошую причину себя утешить: «Он упрочил и расширил свои знания о туркестанцах, полученные из книг, некоторыми своими личными наблюдениями». Когда он возвратился в Казань, страна, главным образом, была в руках Советской Армии, а ею руководили солдаты. В этот период и женщины вступили на политическую сте-

зю, продолжало работать Центральное бюро созданного 24–27 апреля Первого Конгресса мусульманок⁴².

По приезде в Казань он приступил к своему основному занятию с 1913 г. – газетному делу и по предложению Фуата Туктарова устроился директором корректуры новой газеты «Курултай». Арендованные две комнаты в доме Апанавых на знаменитом казанском Сенном базаре использовались как контора. Газета должна была печататься в прежнем издательстве «Миллет», которая перешла в собственность Гиладжеддина Ахметова. Настоящий издатель газеты, как известно, был из новых татарских богачей. Газета, в которой главным редактором был Фуад Туктаров, из-за дефицита бумаги выпускалась маленьким форматом на коричневой упаковочной бумаге. Через некоторое время в газете стали публиковаться самый лучший и авторитетный газетный публицист того времени Джамалетдин Валиди и историк Газиз Губайлуллин⁴³.

В то время как Г. Баттал был занят изданием газеты, Октябрьская революция решала судьбу миллионов людей на территории Российской империи. В противоборстве за власть между «красными тисками» и белогвардейцами земли и города, переходя из рук в руки, превратились в развалины. В этой смутной атмосфере Г. Баттал, который, с одной стороны, издавал газету, с другой – был членом «Милли Шура», был избран депутатом в Собрание в Уфе. Не имея возможности из-за начавшейся в конце ноября суровой зимы добраться до Самары на теплоходе по уже заледенелой Волге, он направился на поезде сначала в сторону Москвы до станции Рузаевка, затем пересел там на поезд в сторону Уфы⁴⁴.

Участовавший 30 ноября 1917 г. на открывшемся Национальном съезде мусульман тюрко-татар, Г. Баттал остался независимым: не присоединился ни к «тюркистам», состоявшим примерно из 50 депутатов и считавшим достаточным приобретение национально-культурных прав, ни к «топракчылар», состоявшим

примерно из 30 депутатов и выступавших за территориальную автономию, несмотря на то, что находился в их комиссиях. Но ясно, что Г. Баттал, сначала с некоторыми просветителями принимавший татар за отдельное среди тюрков образование, недолго сохранял эти взгляды, и по взглядам был «тюркистом»⁴⁵.

После окончания Собрания 24 января 1918 г. Г. Баттал вернулся в Казань. По пути, во время пересадки на станции Тимерязево, он встретился с Фуадом Туктаровым, Самигуллой Салиховым и Мухитдином Ахмеровым из Уфы – тюркскими депутатами, возвращавшимися из Петрограда после разгона 4 января 1918 г. Советским правительством первого и последнего Учредительного собрания. Возлагавший большие надежды на будущее России Комуч при первой же возможности был ликвидирован большевиками⁴⁶.

Возвратившись в Казань, Г. Баттал в вакууме, образовавшемся из-за неспособности новой власти полностью овладеть ситуацией, продолжил издавать газету «Курултай». В это время в феврале собрался Второй Всероссийский мусульманский военный съезд. Татарские большевики, проделав там большую работу, арестовали умеренных и националистически настроенных представителей. К тому же власть в городе была уже в руках большевиков. Вслед за арестами националистически настроенные силы взяли под свой контроль Забулачную часть города. Советы в насмешку позднее дали этому название «Забулачная республика». Только в конце марта с помощью вооруженных татарских рабочих и моряков-красноармейцев Советам удалось сломить националистическое движение, их дома подверглись грабежу. В это время в рядах большевиков были Мулланур Вахитов и Галимджан Ибрагимов, с которыми Г. Баттал был близко знаком⁴⁷.

После разграбления Казани в апреле большевиками была закрыта газета «Курултай». Через некоторое время бывшие «курултаисты», собравшиеся

для получения разрешения на выпуск новой газеты, по предложению Джамалетдина Валиди решили издавать газету «Алтай» при условии, что главным редактором и ответственным директором не будет Фуад Туктаров. Главным редактором и ответственным директором газеты стал Г. Баттал. В реальности по своему внешнему виду, содержанию и духу новая газета практически не отличалась от «Курултая». Выпустив 13-й номер, газета была закрыта по решению еще малоизвестных татарских коммунистов, входивших в состав революционного комитета, а сам он был арестован. Позже Баттала выпустили, получив от него подписку, что он не покинет Казань до тех пор, пока его дело не рассмотрит военный трибунал, и что впредь он ни под каким именем не будет выпускать газету⁴⁸.

Лишившись возможности заниматься изданием газет и политикой, Г. Баттал отправил жену Газизу и маленького сына в сопровождении Фуада Туктарова и его супруги в сторону Уфы для лечения кумысом. А сам тем временем с Мухитдином Курбангалиевым и муллой Беди уединился для создания хрестоматии по тюрко-татарскому языку для школ в деревне Услон, находившейся на высоком холме на противоположной стороне от Казани⁴⁹.

Красные и белые: между двух огней

В то время как Г. Баттал был занят созданием учебников, на сцене большевистской революции потихоньку стали появляться новые игроки: члены разогнанного Учредительного собрания (Комуч), в основном эсеры, создали свою контрреволюционную армию и привели войну к кровавому и затяжному характеру. Эти силы летом 1918 г. захватили Самару, Симбирск и Сызрань на юге. К августу народная армия Комуча составила 30500 человек. В России, таким образом, начиналась борьба, а точнее, война между красными и белыми⁵⁰.

Ранее, создавшие в Самаре речной военный флот, комучевцы 5 августа с народной армией вошли в Казань и за-

ставили красных покинуть город. Вернувшись 6 августа в Казань, Г. Баттал снова занялся изданием и политикой. При новых обстоятельствах некая группа казанских тюрок, посовещавшись и оценив сложившуюся ситуацию в доме Бадреддина Апанаева, создала руководящую комиссию из тюрко-татарских, русских и чувашских представителей, которую возглавил Ильяс Алкин, экспедитор военной Шуры. Прежние сотрудники газеты «Курултай» и «Алтай» на общем собрании приняли решение возобновить выпуск газеты «Курултай». На собрании, кроме Г. Баттала, присутствовали Джамалетдин Валиди, издатель Гиладжеддин Ахметов, из писателей Гизеттин Сейфульмулюков и Каюм Мустакай. Из-за дефицита бумаги газета стала выходить двухстраничным номером⁵¹.

В начале сентября, получив известия об активном наступлении красных к западу от Казани в районе Заинска, белые стали отступать от города. Наступали тяжелые времена для тех, кто писал против красной диктатуры. Среди тех, кто покидал город с надеждой на скорое возвращение, были Г. Баттал, из «курултайстов» Джамалетдин Валиди, Гизеттин Сейфульмулюков и Каюм Мустакай. Однако между уходом и возвращением Г. Баттала прошли год и семь месяцев, и за это время столько всего произошло, что не хватило бы романа. Две недели он провел в городе Лаишеве (Лаеш), который расположен к югу от Казани, на берегу реки Камы, которая течет от Уфы, с мыслями и планами только о возвращении. В то время еще никто и предположить не мог, что красные, войдя в город 10-го сентября, окончательно им завладеют⁵².

Они провели ночь в русской деревне, и только через день, добравшись до Лаишева, стало ясно, что в ближайшее время попасть в Казань им не удастся. Все было заполнено солдатами-дезертирами и беженцами. Здесь он сел на теплоход, который был в руках белых, и решил ехать на юг, в Самару. Когда теплоход с Камы вышел в Волгу, пришло

известие, что Тетюшский уезд Казанской губернии и Симбирск захвачены красными. Здесь с ними расстался Джамалетдин Валиди, который направился в свою деревню. Полагая, что Тетюши уже заняты красными, они вместе с Гизеттином Сейфульмулюковым и Каюмом Мустакаем перешли на левый берег Волги и направлись на юго-восток в сторону Димитровграда (Мелекес). Они пришли в деревню Филип и остановились у имама деревни, Ракипа муллы, и его сына Фатиха эфенди, Г. Баттал был знаком с ним со времен учебы в Троицке. Радужный прием закончился ужином и баней, когда они рассказали, что бегут от красных. Хозяева отвезли их морозной ночью на телеге к имаму соседней деревни Губан Шахиду эфенди. На следующий день они перебрались в деревню Кызылсу. Только на телеге они смогли добраться до одного из причалов на берегу Волги и на пароходе доплыли до Самары. После того как Г. Сейфульмулюков отправился к себе на родину в Оренбург, они остались вдвоем. У них не было причин там задерживаться. И сразу сев на поезд, они напрямик двинулись в Уфу. Держа путь на восток, он с каждой минутой удалялся от семьи⁵³.

В это время Уфа начала вооружаться и готовилась дать отпор Советам, в Уфимское государственное совещательное собрание были приглашены лидеры антиреволюционных организаций. Одним из участников этих заседаний был и Г. Баттал. Прибыв в Уфу, он встретился с Юсуфом Акчурой, приехавшим к турецким военнопленным с миссией от Красного полумесяца и гостившим в это время у муфтия Галимжана Баруди⁵⁴.

21 сентября 1918 г. в Уфе с тем, чтобы создать всероссийское правительство для передачи руководства для борьбы с Советами, было созвано совещание, в котором приняли участие представители Комуча, Казанского Милли Шура и различных регионов. Из тюркских регионов делегации возглавляли: от казахов (Алаш Орда) Алихан Букейханов, от башкир Заки Валиди (Тоган), от Милли Шура Гаяз Исхаки и др. Туркестанское

правительство в качестве политическо-го беженца представлял Мустафа Чокаев. Совещательный совет под председательством социалиста образовал Временное Всероссийское правительство, которое позже после переезда в Омск было распущено⁵⁵.

После окончания совещания в Уфе, когда казанские общественные и политические деятели решили собраться в Кызыльяре (Красноярск) к востоку от Уфы, в Западной Сибири, где было большое количество тюркского населения, для организованности и готовности они выехали туда прямым поездом. Был октябрь 1918 г. и сибирская зима уже входила в свои права. В Челябинске местные тюрки с большой радостью встретили и проводили этот поезд. В ехавшей группе кроме Беньямина Ахтямова, замещавшего председателя Милли Шура и Милли Межлиса Садри Максуди, находились Г. Баттал, Салимгирей Жантурин, Шайхулла Алкин, Губейдулла Буби, Закир Кадири (Уган), Ибрагим Биккул, Нажип Курбангали, Гаяз Исхаки, Султанбей Мамлеев и Мирзагаяз Яникеев⁵⁶. А также, с другой стороны, в группу входили не являвшиеся членами Шуры и Межлиса, Фуад Туктаров, Гумер Терегулов, Каюм Мустакай и Газиз Мирас. В Кызыльяре ожидавшие гостей местные тюрки распределили гостей по своим домам и таким образом началась работа Национального управления тюрко-татар Внутренней России и Сибири. Его председатель Садри Максуди сам не присутствовал, а переправился сначала в Финляндию, а затем во Францию⁵⁷.

Председателем созданного в Кызыльяре управления стал Биньямин Ахтямов. Фуат Туктаров и Гумер Терегулов смогли от съезда членов Комуча в Екатеринбурге получить средства для издательства на тюркском языке. Однако в двух городских типографиях не было в необходимом количестве арабского шрифта. Арабский шрифт, привезенный до этого из самарской газеты «Халык», был размещен в одной из типографий, и стала выходить еженедельная газета

под названием «Маяк». Было выпущено всего тридцать номеров. Г. Баттал в этой газете был одновременно и главным редактором, и директором по корректурованию. Другим редактором был Каюм Мустакай⁵⁸.

Среди воспоминаний Г. Баттала, который провел 1918–1919 гг. в Кызыльяре, особое место занимают посиделки в доме Мустафы Тюмена, женитьба Мустафы Тюмена и Галима Акчуры. В этот период, чтобы газета лучше выпускалась, он на 4–5 дней съездил в Омск, находившийся в руках белых. К этому времени тюрки оказались меж двух огней: красных и белых. Съезд в Кызыльяре был распущен правительством Колчака, газета «Маяк», лишившись финансовой поддержки, вынуждена была закрыться. После того как в городе стало нечего делать, по приглашению остановившихся в Челябинске торговцев-беженцев он прибыл туда и снял комнату у одной русской семьи⁵⁹.

Как стало известно с его слов, вероятно, в 1919 г. в мае он узнал по телеграфу у своей тещи Фатимы ханум, что жена и ребенок находятся в Казани. По приглашению Фатимы ханум он из Челябинска до Перми на поезде, а затем на санитарном теплоходе по Каме добрался до Сарапула. С приближением красных пребывание в гостях и спокойные дни закончились. Он, оставив привезенные с собою номера газеты «Маяк», двинулся в путь. Из-за столпотворения и давки, напоминавшей светопреставление, он не смог сесть на теплоход, купив лошадь с телегой, вернулся домой, где к нему присоединилась некая женщина с дочкой. На пароме он переправился на противоположную сторону и остановился в городе Оса. После столь продолжительной дороги первым делом он продал лошадь с повозкой и снял квартиру у одной русской семьи. Первым местом, куда он отправился в городе, была библиотека. Спустя некоторое время, передохнув за чтением книг, Г. Баттал снова отправился в путь, на этот раз поводом к поездке стала преподавательская деятельность⁶⁰.

Самигулла Салихов, являвшийся тюркским представителем Комуча, возглавлял в то время в Екатеринбурге департамент по делам образования мусульман и пригласил его преподавать. Он сначала на пароходе добрался до Перми, а оттуда на поезде приехал в Екатеринбург и на педагогических курсах стал давать уроки истории. Среди слушателей был и Фатхелькадир Сулейманов, в последующем Абдулкадир Инан⁶¹.

В это время противостояние белых и красных было в разгаре. К тому же после того, как в Екатеринбург пришло известие, что 30 июня Пермь перешла в руки красных, Г. Баттал, как и многие другие, снова оказался в дороге. Среди товарищей по судьбе был и тесть Закира Кадири. После того, как он в качестве преподавателя смог пристроиться к земской колонне повозок, в первых днях июля (1919) был вынужден покинуть город. События разворачивались в те дни, когда территория Западной Сибири находилась во власти обвораживающего и заколдовывающего северного лета. Среди сентябрьских месяцев 1918–1921 гг. это были самые замечательные 3 дня пути, наполненные минутами наслаждения и спокойствия, которые он больше никогда не испытывал. Они остановились в 200 км на северо-востоке, в Ирбите, пристроив лошадей и повозки во дворе одной из школ. Имамом в городе был Захид эфенди, его ученик из Троицка⁶².

Долго не задержавшись в Ирбите, он на повозке добрался до ближайшей станции и в тот же день вечером прибыл в Тюмень. Здесь он встретился с представителем от Тюмени, Мугаллимом Рауфом, с которым познакомился в Кызыльяре в Национальном управлении. Мугаллим Рауф его радушно принял, однако, несмотря на это, Г. Баттал не смог там задержаться более чем на два дня. Он снова продолжил свой путь, чтобы встретиться со своим другом – Фуадом Туктаровым, и, сев на поезд, направился в Омск. Почти на середине пути, во время смены поезда в Ишиме, он не успел в вагон, где оставил свои вещи; ему

пришлось сесть на следующий поезд. Вагоны были заполнены беженцами, и в билетах уже не было необходимости. Все бежали в Омск, до которого еще не добрались красные. На одной из промежуточных станций, воспользовавшись остановкой поезда, он пешком дошел до следующей станции и добрался до поезда со своими вещами. В результате он сошел с остановившегося в окрестностях Омска поезда и пешком дошел до города. Таким образом, Г. Баттал с каждым днем отдалялся от дома на восток⁶³.

В Омске он остановился в доме Гимуш муллы, с которым познакомился в Кызыльяре, а также встретился с Мубаракшой Ханафиевым, исполнявшим здесь обязанности имама и писавшим в журнал «Шура» в основном статьи об алкоголе. После того, как Баттал узнал, что Фуад Туктаров уехал из города три-четыре дня тому назад, он также через два-три дня его покинул. Он хотел остановиться в Томске и пробыть там некоторое время: почитать книги и поразмышлять. Г. Баттал жаловался на то, что почти год, а если быть точнее, с сентября 1918 г., не может спокойно почитать книгу и заняться размышлениями для пополнения знаний. Борьба закончилась и говорить о тайном обществе тоже не приходилось. «Нужно было продержаться в суровой Сибири, не потухнуть с точки зрения мысли и знаний, думать о будущем, так как с победой красных культурные и идейные движения в мире не переставали существовать». Он снова был в пути – на Великой сибирской железной дороге⁶⁴.

Когда Г. Баттал после долгой поездки приехал в Томск – самый большой город Западной Сибири, он встретил тут близких знакомых, которых сюда забросила революция. Среди них был один из работников газеты «Кояш» (Казань) Захид Нуркин. Здесь также находились некоторые казанские купцы и баи Габдулхамит Казаков, Шакир и Габдулла Апанаевы и Сарысакал Лотфулла эфенди. Г. Баттал здесь смог добраться до книжных магазинов и библиотек. С началом работы университета он стал

вольным слушателем историко-филологического факультета. В это время он вместе со своим другом Сарысакал Лотфуллой эфенди для исследования путей бегства на Дальний Восток, сев на товарный поезд, отправился на юг от озера Байкал в Иркутск. Там в городе в доме имама Сахмана, с которым он познакомился в Уфе на заседаниях Национального собрания, встретил своего шурина Юсуфа Шамлы и имама Екатеринбургского муллу Ирфана Рахманкула. Однако слова уважаемого купца Шайхуллы Шафигуллина, который был родом из Казани, положили конец их надежде о бегстве. Начинаясь зима 1919 г., он был в четырех тысячах километров от Казани. К тому же он не смог увидеться с другом – Фуадом Туктаковым, по пятам которого шел все это время. Г. Баттал принял решение вернуться обратно и вновь попытаться счастье. Его путь на восток остановился на берегах Байкала и теперь он возвращался обратно на запад; и опять его путь был наполнен новыми приключениями⁶⁵.

Возвращение с востока в Казань

Первой остановкой Г. Баттала на пути с востока на запад стал Кызыльяр (Красноярск), расположенный на реке Енисей. Там он пробыл два дня и встретился с имамом из Казани. В этот период один за другим города в Сибири переходили от белых к красным. Омск, ставший 14 ноября 1919 г. столицей правительства Колчака, 22 декабря перешел в руки красных. Отмена красными директивы о расстреле (15.1.1920), понимавшими, что они уже обладают преимуществом, пробудило в Г. Баттале непреодолимое желание вернуться в Казань. Получив в Томске от новой созданной организации мусульман-коммунистов разрешение с оговоркой: «Отправлен в Казань для получения учебников и печатных принадлежностей», он отправился в путь⁶⁶.

Когда он прощался с друзьями, чтобы сесть на специально выделенный поезд для томских делегатов Московского съезда российских казаков, были

последние дни января 1920 г. На станции Тайга поезд перешел на Великую Сибирскую линию железной дороги. В Новониколаевске (Новосибирск) поезд загрузили провиантом и двинулись в сторону Омска. Вдоль железной дороги в огромном количестве встречались трупы людей и лошадей. Судя по рассказу, от холода и голода в регионе умерло двести тысяч человек. Используя долгую стоянку в Омске как повод, он разыскал и навестил Губайдуллу Гусманова из Уфы. Беседы и сетования вокруг чайного стола по заведенному казанскому обычаю в удобной и теплой комнате дома Гусманова оставили незабываемый след в памяти Баттала. Вчера счастливый и блиставший Омск, сегодня уже был в полувымершем, беспорядочном и отвратительном состоянии, заполненный жалкими, растерянными и пессимистично настроенными людьми. Поезд, двигаясь в сторону Уральских гор, проехал Красноярск, в котором он провел зиму 1918–1919 гг., и достиг Уфы – после Казани и Оренбурга третий по значимости город тюрков Внутренней России. Здесь, на верхнем этаже особняка Духовного собрания, он посетил Галимжана Баруди⁶⁷.

После этого на пути в Самару, во время остановки на станции Аксеново, он встретился с военным комиссаром Башкирской республики Заки Валиди (Тоган), возвращавшимся из Москвы в вагоне с надписью «Башкирская республика». Благодаря этому он избежал участи быть арестованным татарскими коммунистами, старавшимися показать свою преданность большевизму. Проехав большой мост через Волгу, находившийся на пути между Самарой и Сызранью, он на станции Рузаевка пересел на товарный поезд, который вез сено. На нем он добрался до станции Тимерязево. Таким образом, наступала последняя фаза в путешествии Г. Баттала. Когда он темным вечером в один из дней первой недели марта (1920 г.) добрался до Казани, оказалось прошло ровно год и семь месяцев, как он покинул Казань, и 37 дней, как уехал из Томска.

Это возвращение, казалось, в то же время было окончанием больших стремлений и переживаний. Когда он ночью пришел домой, жена Газиза встретила его с большой радостью и изумлением. Через два дня все уже об этом знали, и о нем стали ходить недобрые сплетни⁶⁸.

Арест и тюремные дни в ЧК

После приезда в Казань Г. Баттал вскоре узнал, что его старые друзья стали врагами, а если быть точнее, стали большевиками. Первая статья, направленная против него, вышла под авторством «пьяницы Ибрагима Кулиева», работавшего до него в газете «Юлдуз». Вдобавок, когда он пришел к Галимджану Ибрагимову, который с ним дружил до революции, то от своего старого друга и нового привилегированного члена общества, который успел к тому времени стать выдающимся казанским коммунистом, услышал слова: «Тебя разве еще не повесили?». Эти слова отражали реальную обстановку. Ибрагимов дал ему следующий совет: написать статью с клеветой и проклятием на прежних соратников и раскаянием о сделанных старых делах и прошлой работе. Баттал ушел от него, сказав, что хочет заниматься делами вне политики. Это была их последняя встреча. Вскоре, как он и предполагал, его пригласили в ЧК⁶⁹.

За это время Казань очень изменилась и превратилась практически в другой город. Большая часть друзей уехала из него, город почти вымер; даже оживленный Сенной базар из-за тишины был похож на кладбище. У него практически пропала надежда найти друга или место, где он смог бы спрятаться. Баттал, посоветовавшись с женой, от безнадежности и с очень маленькой надеждой на то, что его выпустят, решил сдаться. В один из дней, ближе к вечеру, взяв немного хлеба, кусок сахара и щепотку чая, он вместе с женой направился в центральный дом ЧК, его бросили в подвал, а жену отпустили домой. Баттала держали вместе с другими преступниками, но через какое-то время его перевели в одиночную камеру. Потом его продержали

в распределительной тюрьме и отправили в районную тюрьму, находившуюся у р. Казанки. Здесь было относительно спокойно, и его тут же распределили к местным деревенским кулакам. Единственным утешением Баттала были письма и еда, присылаемые ему женой. В это же время произошло одно из незабываемых редких событий в его жизни – его приятель Джамалетдин Валиди проявил смелость посетить его тут⁷⁰.

Просидев в подвале ЧК и двух других тюрьмах в общей сложности полтора месяца, ему сообщили, что до окончания Гражданской войны он будет оставаться в трудовом лагере. На следующий день его направили в лагерь. К этому времени уже все луга освободились от снега. Лагерь был довольно далеко от города и его со всех сторон окружали заросли кустарника. Жена и сын на следующий же день пришли навестить Баттала. В лагере находились люди различных социальных слоев и профессий, было также несколько турецких военнопленных. Ему разрешалось каждую субботу уезжать домой, а в воскресенье он должен был возвращаться⁷¹.

В трудовом лагере ему приходилось собирать овощи на государственных огородах, находившихся между Казанью и Волгой, и спать в деревянных бараках, построенных для пленных во время Первой мировой войны. Его снова вызвали для допроса в ЧК. Его обвиняли в причастности к убийству Мулланура Вахитова (19 августа 1918 г.) и в том, что его публикации не представляют интереса для народа Советского государства. После этого его направили на более трудную работу – добычу торфа на болоте. Батталу было запрещено занимать должности в гражданской сфере. В июле (1920) он находился в так называемой Кизической слободе, где жил в большом, старом, полуразрушенном доме⁷².

Поездка из тюрьмы в Баку и возвращение в Казань

Случаи побегов из лагеря натолкнули Г. Баттала на мысли о побеге. С

помощью жены, конечно же, дав взятку, он получил в официальных органах документы на имя Габдуллы Рахимова с разрешением ехать в Баку по военному поручению. 19 августа 1920 г., когда на речном вокзале он уже поднимался на пароход, его внешность была изменена до неузнаваемости: козлиная борода под большевицкий манер, выбритые бритвой волосы, на голове шапка с кокардой серпа и молота. Его сопровождала русская женщина – школьная подруга жены⁷³.

Пароход был переполнен коммунистами, ехавшими в Баку на Конгресс восточных народов (1–7 сентября 1920 г.). Из-за отсутствия отдельной каюты он был очень обеспокоен тем, что его могут узнать на палубе. В шестидесяти километрах от Казани он пересел на более вместительный пароход и смог окончательно успокоиться только тогда, когда доехал на нем до Астрахани. Он уже был далеко и вряд ли кто-то мог его здесь узнать. Однако неожиданная встреча с С. эфенди из Пензы, который был одним из старых обитателей медресе «Мехметбей» в Каире, его удивила. По его словам, на пароходе он также познакомился с турком, и указывает его как И. Ар⁷⁴.

В Астрахани он снова садится на пароход и через 80 км пересаживается на другой, больший пароход. Когда Баттал доехал до Баку, стояли последние дни августа и продолжались приготовления к конгрессу. Отправившись в гости к знакомому мусульманину И. Ара, он продолжал сталкиваться с необычными совпадениями и изумляться. Заки Валиди и Хади Атласи тоже были в городе. Однажды вечером во время ночной встречи была совершена облава, Х. Атласи арестовали и отправили в Казань. Сам Баттал спасся лишь благодаря поддельным документам. Азербайджан и Баку к этому времени пять месяцев находились под властью большевиков (27 апреля 1920 г.) и для того, чтобы регион не смогли покинуть враги революции, были предприняты особые меры по контролю за границей. Поэтому, поте-

ряв надежду перейти в Грузию, А. Баттал, как он сам говорит, стал заниматься спекуляцией между Астраханью и Баку. Он поехал в Астрахань за новыми документами и, возвращаясь обратно в Баку, взял с собой пару килограммов сахара, перевозка которого приравнивалась к перевозке кокаина. Во время второй поездки в Астрахань он встретился с преподавателем и писателем Наджибом Гасри, ради чего он посетил его родное село. После этого он осмелился осуществить поездки по Внутренней России. С этими документами он даже мог вернуться в Казань⁷⁵.

Переполненный переживаниями, он в Астрахани сел на пароход «Лев Давидович Троцкий». В Самаре в нему присоединился шурин – Юсуф Шамлы. Однажды ночью, спрятавшись от проверки на пароходе, рано утром он сходит на одном из безлюдных причалов близ Казани. В руках у него был только соляной мешок, с которым он пришел в город. Однако он не пошел к себе домой, а направился к знакомому в Слободу (Татарскую слободу). Туда же навесить мужа у озера Кабан пришла и жена Баттала. В это самое время из-за покушения на председателя Совета народных комиссаров М. Саид-Галеева был введен жесткий контроль, и начались аресты. После первого убежища, сменив еще два дома, он перешел в лачугу, прилегающую к первому дому с края от города. Его жена каждый вечер приносила ему еды и пыталась достать дорожные документы. Допросы, обыски, отправка в тюрьму и расстрелы стали обычным явлением того времени. С наступлением зимы 1920 г., когда небольшие реки постепенно стали сковываться льдом, Баттал с паспортом необразованного, неотесанного крестьянина, прицепив свои сани к саням одного коммуниста из Буинска, покинул Казань⁷⁶.

Бегство из тюрьмы, отъезд из Казани и выезд из России (1920–1921)

Отъезжая из Казани на развалившихся с полуживой лошадкой, он

смотрел с холма Услона и даже не мог предположить, что в последний раз видит город, в котором прошел его самый лучший и плодотворный период жизни. Оставив молодую жену и шестилетнего сына, он начал свой путь по России, ничем не отличавшийся от опасного приключения. На пароме он переправился на правый берег Волги и медленно продолжил свой путь. Первым местом, где остановился Баттал, стал Буинск (Буа) – центр одного из казанских уездов в 70 километрах к северу от Симбирска. Здесь он оставил лошадь и сани одному хозяину дома⁷⁷.

Знакомство в Буинске с сыном владельца мыловаренного завода дало ему новую надежду. По его приглашению на арендованной машине они поехали в Симбирск. Ему здесь должны были дать бумагу, что он находится в пути для закупки материалов для завода. Получив ее, он смог бы спокойно ездить. Однако у хозяина завода появились сомнения в том, что он беглец, и планы Баттала не осуществились.

Он попытался достать документы, чтобы снова поехать в Баку, но не смог. Баттал познакомился с муэдзином, который посоветовал ему ехать в Петроград и достал документы. На этот раз он направился на запад. Под именем Габдуллы Рахимова в качестве проводника поезда в вверенном ему вагоне, загруженном сбруями и тыквами, он добрался до Казанского вокзала в Москве, где останавливались поезда, прибывавшие из Средней Азии⁷⁸.

Он провел несколько дней в Москве в поисках паровоза, который мог бы доставить вагон до Петрограда. В свободное время он прогуливался по городу. И наконец он смог довести вагон до станции Любан в окрестностях Петрограда. Прошло 15 дней как он уехал из Симбирска. В Петрограде он нашел инженера, которому должен был передать груз. Отдав груз и получив оплату за работу, снова вернулся в город. Еще будучи в Симбирске, у одного друга он взял адрес Лутфи Исхаки – имама мечети на Казанской улице. С этим имамом,

получившим образование в Египте, Баттал познакомился давно в Троицке, в издательстве «Хизмет», и попал под впечатление его оригинальных взглядов. В это время вместе с богатыми купцами он навещал приболевшего Л. Исхаки. В этот же период его несколько дней продержали в тюрьме ЧК близ станции «Озерки» и позжепустили. Его жизнь при Л. Исхаки улучшилась, но стала ощущаться нехватка еды⁷⁹.

В Петрограде делать было нечего, и Баттал решил вновь заняться передвижной торговлей, как когда-то делал это между Астраханью и Баку. С помощью Комитета мечети Г. Баттал получил документы чиновника по аттестации в дезинфекционной службе Петроградской железной дороги. В его обязанности входило перевозить из Симбирска дойных коз. Однако, получив в этом городе ответ, что они не могут найти дойных коз даже для своих служащих, Баттал обрадовался. Ведь он избавился от такой ноши. Накупив на базаре Симбирска у продающих из-под прилавка людей сливочного масла, соли, сахара и муки и предоставив документы для проезда, он вернулся в Петроград. Г. Баттал стал свидетелем восстания моряков в Кронштадте против советской власти и казни бунтовщиков (6–18 марта 1921 г.). В результате этого и других схожих восстаний с марта 1921 г. правительство перешло к НЭПу⁸⁰.

Весну 1921 г. Г. Баттал провел в Петрограде, во время своих поездок он познакомился с Адуррабом Барком (Йельгар) из Пешавара и турецким писателем и депутатом Исмаилом Супхи (Сойсаллыоглу), приехавшим к Лутфи Исхаки. В начале лета Г. Баттал вместе с А. Барком отправился в Москву. Здесь он на несколько дней остановился у знакомого купца Л. Исхаки. Баттал планировал отправиться в столицу Украины Киев, заниматься передвижной торговлей и одновременно путешествовать⁸¹.

В Москве в фуражке железнодорожника со значком кирки и лопаты он спокойно мог ходить по городу. Здесь

во время визита к своему другу Абдурабу, в номере гостиницы Баттал в первый раз встретился с известным дипломатом периода Ататюрка, депутатом Тевфиком Рушту (Арас). В городе он также встретил бывшего члена Комуча Ильяса Алкина, ставшего чиновником по обязательной регистрации. Другой важной личностью, с которой, скрываясь под именем Габдуллы Рахимова, Баттал часто встречался в Москве и завязал близкие отношения, был Мехмет Эмин бей Расульзаде – преподаватель персидского языка в Институте восточных языков им. Лазаровского⁸².

Г. Баттал стал советоваться со своими знакомыми: остаться ему в России или покинуть ее. Среди них был имам Захид эфенди, его ученик из Троицка, которого он описал под именем «Старый хафиз». Тот посоветовал ему точно так же, как Мехмет Эмин Расульзаде, Убейдуллах Ходжаев из Ташкента и Ильяс Алкин из Казани и некоторые другие тюрки – просить поддержки у Сталина⁸³.

Г. Баттал находился в растерянности. Слова известного казанского адвоката И. А (?), с которым его познакомил Захид эфенди, стали окончательными при принятии решения: «Да, это правда. Возможно, Сталин вас простит, возьмет под свою опеку, и вам даже предоставят какую-нибудь работу. Однако, как и многих других сомнительных личностей, вас возьмут под наблюдение. При возникновении реального или мнимого антисоветского заговора арестуют и бросят в тюрьму. Я считаю этот путь небезопасным. Если вы твердо не решили

оставаться в России, самый надежный для вас путь стать политическим эмигрантом». После этих слов Г. Баттал, наверное, принял самое важное решение в своей жизни – покинуть Россию⁸⁴.

Будучи в Москве, он поддерживал связь с женой Газизой и, чтобы узнать ее мнение, пригласил в Сарапул. В получении разрешения на поездку в Сарапул ему помогли верные друзья из купцов, в особенности из казанских баев, зять Габдельлхамида Казакова Габдерахман Шафи Алмас. Проехав по северной железной ветке до Перми, а затем на теплоходе на юг, он добрался до Сарапула. Чтобы не привлекать внимания, он остановился у одной русской семьи. Встретившись с женой, сыном и тещей, приехавшей из деревни, он вернулся в Петербург, откуда планировался побег⁸⁵.

Для встречи с лодочниками из Финляндии Г. Баттал вместе с одним ребенком и мишарином средних лет направился в Ориенбаум. Здесь он до вечера гулял у лесистого берега и затем в заброшенном доме прождал наступление времени отправки. На лодке с двумя финскими гребцами-контрабандистами туманной ночью между 9–10 часами по волноватому морю он устремился на финский берег, где не было большевизма. На берегу его задержали солдаты, и он был направлен на карантин. Через некоторое время его отпустили. Когда он покинул Казань и Россию, был сентябрь 1921 г., ему было 39 лет⁸⁶.

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Было прочитано на симпозиуме интеллигенции Идель-Урала, организованном Международным Казахско-турецким университетом им. Ходжы Ахмеда Ясави (Анкара, конференц-зал TDV Коджатеппе, 1 апреля 2000).

² В этой статье основные биографические данные взяты из двух книг, написанных самим Г. Батталом: 1 – *Rus İhtilâlinde Hatıralar* 1917–1919 İstanbul, 1968, 264 s. Ötügen yaıınevı; 2 – *Ben bir ışık arıyordum*. İstanbul, 1962, 209 s. Tan Gazetesi Matbaası. Хотя Саадет Чагатай в статье о нем указывает на то, что в последние годы жизни он писал *Воспоминания*, однако Баттал не смог их закончить: «Abdullah Battal-Taumas (8. XII. 1882–25. IV. 1969)», *Azerbaycan*, sayı. 191–196 (1971), s. 13–20. О том, что в основе этой статьи лежат воспоминания самого Г. Баттала, становится ясно из-за отсутствия по-

добной информации в других источниках. Вслед за смертью анонимная статья в «*Türk Kültürü*» («Abdullah Battal-Taymas», sayı. 79, Mayıs 1969, s.69–72) вероятно была написана Саадет Чагатай. Статья с аналогичным содержанием находится в книге «*Kazan Türkleri*» (Ankara, 1988, s. 223–226). Статья из «*Türk Kültürü*» опубликована в виде пункта в «*Türk Dili ve Edebiyatı Ansiklopedisi*» (İstanbul, 1998. С. 8, s. 285).

³ Географические названия написаны так, как указано у Г. Баттала, но также рядом указаны их современные. Для этого был использован советский атлас (Atlas SSSR, Moskova, 1983). Бузулукский уезд Самарской губернии позже был присоединен к Оренбургу: (*SSR Administrativno Teritoryalnoe Delenie Soyuznih Respublik* – 1971, s. 146). Мы не смогли определить деревню, где он родился.

⁴ *Türk Kültürü*, agm. s. 69; s. Çağatay, agm s. 14.

⁵ Таymas, 1968 s. 16.

⁶ Dış İşleri Bakanlığı Arşivi, Dn-5300; Emekli Sandığı Arşivi, Dn. 75508; S. Çağatay, agm. 16.

⁷ Некролог о смерти Бильгивара Таймаса: *Hürriyet*. (30 Haziran 1999) s. 15; Старшая дочь Бильгивара Таймаса – Зейнеп Таймас; младшая дочь – Улькер Парс. Выражаю благодарность Улькер Парс и ее супругу Джихат Парсу за предоставленные фотографии.

⁸ Таymas'ın bu tarafı için: Dn. 5300.

⁹ Более детальную информацию об образовании медресе Волго-Уральского региона см.: Nadir Devlet, *Rusya Türklerinin Milli Mücadele Tarihi* (1905–1917), Ankara, 1999 s.179–185 ТТК. Yayını; Azade-Ayşe Rorlich, *Volga Tatarları* (Çev. Mehmet-Süreyya Er); İstanbul, 2000 s. 176–216 iletişim yayınları; İsmail Türkoğlu, *Rusya Türkleri Arasındaki Yenileşme Hareketinin Öncülerinden Rızaeddin Fahreddin*, İstanbul, 2000 s. 26–42; İbrahim Maraş, *Türk Dünyasında Dinî Yenileşme* (1850–1917), İstanbul 2002 s. 277–301.

¹⁰ Таymas, 1968 s.28.

¹¹ S. Çağatay, agm. s.13.

¹² Илек и Хобда – реки, соединяющиеся на юге Оренбурга, притоки Волги.

¹³ S. Çağatay, agm. s.14.

¹⁴ К сожалению, мы не смогли найти анкетных данных первого произведения.

¹⁵ Dn. 5300.

¹⁶ Таymas, 1968 s.197.

¹⁷ Hakkında bilgi için: İ. Maraş, age. s.99–101.

¹⁸ Таymas, 1962 s.143.

¹⁹ S. Çağatay, agm. s.14.

²⁰ Таymas, 1962; s.150; 1968 s.197; S. Çağatay, agm. s. 15.

²¹ S. Çağatay agm. s.15.

²² Çağatay agm. s.15.

²³ Таymas, 1962 s. 128; 1968 s.30 dn.12; Nadir Devlet, *İsmail Bey Gaspıralı*, Ankara, 1988 s.119–120.

²⁴ Таymas, 1962 s.35; О прессе среди татар см.: N. Devlet. 1999 s.167–179, s.279–282.

²⁵ Таymas. 1962 s.128–129; 1968 s.29–30.

²⁶ Fatih Kerimî hakkında: İ. Türkoğlu, age. s.350–353; İ. Maraş, age. s.101–102.

²⁷ Таymas, 1968 s.30–31, 197

²⁸ Таymas, 1968 s.197; S. Çağatay, agm. s.16.

²⁹ A. Hadî Maksudî için: İ. Maraş, age. s.110–111.

³⁰ Таymas, 1968 s.16, 197.

³¹ О первом знаменитом татарском коммунисте Галимджане Ибрагимове, достойного внимания как личности см.: Таymas, 1962 s.178–189; İ. Türkoğlu, age. s.353–354.

³² Таymas, 1962 s.133–134, 136, 143–144; 1968 s.15–16; Kurultay için: N. Devlet, 1999 s.220 – 223.

³³ N. Devlet, 1999 s.173; İ. Türkoğlu, age. s.214 dn. 434.

³⁴ Таymas, 1968 s.19–20.

³⁵ N. Devlet, 1999 s.219; Причиной больших надежд была тактика большевиков. «Ленин и Троцкий использовали против белых этот сепаратизм, с целью после падения белых с помощью Красной Армии их подавить». Stephen İ. Lee, *Avrupa Tarihinden Kesitler 1789–1980* (Türkçesi. Savaş Aktur), Ankara, 2002 s.201 Dost Kitabevi.

³⁶ Фуад Туктаров в 1924 г. тоже прибыл в Турцию. Проработав на таких должностях как переводчик, библиотекарь и регистратор, он скончался 18 декабря 1938 г. в Анкаре (Таймас, 1968 s.64 – 65).

³⁷ Molla Nur Vahitov (1885 – 19 Mart 1918) için: Deyateli SSSR i Revolyutsionnogo Dvijenya Rosii, Moskva 1989 s.377.

³⁸ Таймас, 1968 s.13–14, 51–52; Geniş bilgi için: 1917 *Ekim İhtilâli ve Türk-Tatar Millet Meclisi*. İstanbul, 1998 s.83.

³⁹ Ayaz İshakî için: İ. Maraş, age. s.111–113.

⁴⁰ Таймас, 1968 s.20–21.

⁴¹ Таймас, 1968 s.34–45, 46–47, 50; N. Devlet, 1999 s.247.

⁴² Таймас, 1968, s.50–55; Kongre için: Şengül Hablemitoğlu-Necip Hablemitoğlu, *Şefika Gaspıralı ve Rusya'da Türk Kadın Hareketi* 1893-1920, Ankara, 1998 s.152–162.

⁴³ Таймас, 1968 s.56-58; Cemaleddin Velidî için: İ. Maraş, age.109–110.

⁴⁴ Таймас, 1968 s.s.90–91.

⁴⁵ Таймас (1968 s.93) это положение объясняет следующим образом: «Я один оказался воздержавшимся, не присоединившись ни к одной из партий, так как от Милли Шура не получил полномочий присоединиться к той или иной партии». Вместе с тем упоминания его имени среди «тюркистов» нет (N. Devlet, 1998 s.189). Изменения в воззрениях Г. Таймаса отмечает И. Тюркоглу (age. s.236).

⁴⁶ Таймас, 1968 s.94–98.

⁴⁷ Таймас, 1968 s.101; Alimcan İbrahimov için: Таймас, 1962 s.178-191; İ. Türkoğlu, age. s.353– 354; Tatar komünistlerinin faaliyetleri için: A-A. Rorlich, age. s.257–283.

⁴⁸ Таймас, 1968 s.101–102.

⁴⁹ Таймас, 1968 s.102.

⁵⁰ Таймас, 1968 s.103.

⁵¹ Таймас, 1968 s.105–106.

⁵² Таймас, 1968 s.66, 106–109.

⁵³ Таймас, 1968 s.110–111, 116–121.

⁵⁴ Таймас, 1968 s.129.

⁵⁵ Таймас, 1968 s.122 – 123.

⁵⁶ Г. Батгал не дает первое имя Енекеева: «Kazan Türklerinde millî davranışlar», *Dergi*, s.22 (1960) s.36; И. Тюркоглу дает его полное имя (age. s.148).

⁵⁷ Таймас, 1968 s.126–132; Таймас, agm. s.36.

⁵⁸ Таймас, 1968 s.132 – 135; Таймас, agm. s.37.

⁵⁹ Таймас, 1968 s.136–137, 145 Таймас, agm. s.37.

⁶⁰ Таймас, 1968 s.146–155.

⁶¹ Таймас, 1968 s.155–157.

⁶² Таймас, 1968 s.193–197.

⁶³ Таймас, 1968 s.201, 214–220.

⁶⁴ Таймас, 1968 s.220– 222.

⁶⁵ Таймас, 1968 s.243 – 251.

⁶⁶ Таймас, 1968 s. 253; Таймас, 1962 s. 8.

⁶⁷ Таймас, 1962 s. 9–23; Таймас, «Kazanlı fikir adamı ve terbiyecisi Alimcan Barudî», *Dergi*, s. 13 (1958) s. 21–23; Таймас, *Alimcan Barudî*, İstanbul, 1958 s.31–32; Zeki Velidî Togan, *Hâturalar*, İstanbul, 1969 s. 313; A. Barudî için: İ. Maraş, age. s.83–85.

⁶⁸ Таймас, 1962 s.25–27.

⁶⁹ Таймас, 1962 s.27–28.

⁷⁰ Таймас, 1962 s.29, 37–43.

⁷¹ «Ankara Türk Ocağında Abdullah Battal-Taymas tarafından 18 Nisan 1955 tarihinde verilen konferans», *Azerbaycan*, s. 37 (Nisan 1955) s. 11; Таймас, 1962 s. 43–46; Таймас 1968 s. 113.

⁷² Таймас, 1962 s. 48–51.

⁷³ Таймас, 1962 s. 53–54.

⁷⁴ Таймас, 1962 s. 56–59.

⁷⁵ Таймас, agm. s. 11; Таймас, 1962 s. 69–76, 87–90.

⁷⁶ Таймас, 1962 s. 92–97.

⁷⁷ Таймас, 1962 s. 99–102.

⁷⁸ Таумас, 1962 s.106–107, 131–134.

⁷⁹ Таумас, 1962 s. 143–149.

⁸⁰ Таумас, 1962 s. 150–153.

⁸¹ Таумас, 1962 s. 150–153.

⁸² Таумас, 1962 s. 154–162, 165–169; Таумас, agm. s. 11.

⁸³ Таумас, 1962 s. 172 Таумас, 1968 s. 196–201.

⁸⁴ Мы не смогли выяснить имя адвоката, которое Баттал указал: «И.А. Таумас», 1962 s. 172–173.

⁸⁵ Таумас, 1962 s. 173–175.

⁸⁶ Таумас, 1962 s. 169, 175–177.

Аннотация

В статье рассматривается история жизни известного писателя, историка и языковеда Габдуллы Баттал-Таймаса, татарина, эмигрировавшего в Турцию. Али Биринджи собраны уникальные материалы, интервью, фотографии татарских эмигрантов. Али Биринджи является автором многих работ, посвященных нашим соотечественникам. Эта статья, предоставленная им самим для публикации в Татарстане, вызывает большой интерес, в ней много нового, доселе неизвестного из биографии и творческой деятельности Г.Баттала. Большинство из этих сведений раньше было недоступно нашим ученым и биографам Г.Баттала, т.к. источники этих сведений никогда не издавались в России.

Цель этой статьи, как пишет автор, показать тюркскому миру значимость Габдуллы Баттал-Таймаса как личности и публициста, заслуживающего особого внимания. В статье рассматриваются биография Габдуллы Баттала, годы учебы и преподавательской работы, так называемый египетский период, возвращение в Россию, годы жизни в Казани, а далее период жизни в эмиграции, сначала в Финляндии, а затем в Турции. Приводится перечень трудов Г. Баттала-Таймаса.

Ключевые слова: Габдулла Баттал-Таймас, Гаяз Исхаки, Ризаэтдин Фахредин, Юсуф Акчура, Галимжан Баруди, Исмаил Гаспринский, медресе «Караван Сарай», шейх Зайнулла Расулев, Милли Шура, тюрко-татары, «Казанские тюрки», Каргалы, Оренбург, Троицк, Стамбул, Анкара, Хельсинки, кладбище Караджаахмет, Казань, Египет, Каир, газета «Тарджеман», «Вакыт», «Юлдуз», «Курултай».

Summary

The article by the director of Turkish Society of history in the name of Ataturk (Ankara, Turkey), Doctor of History Ali Birindzhi deals with the life of the famous writer, historian and linguist Gabdoullah Battal-Taimas, the Tatar who emigrated to Turkey. Ali Birindzhi is interested in the history of Tatar emigrants in Turkey. He collected unique materials, interviews, photographs of Tatar emigrants. Ali Birindzhi is the author of a great number of works devoted to our compatriots. This article is of great interest as it contains a lot of new facts from the biography and creative activity of Battal. The majority of this information was earlier inaccessible to our scientists and Battal's biographers because the sources of this information were never published in Russia.

According to the author the aim of the given article consists in demonstrating Battal's significance to the Turkic world as a personality and publicist who deserves special attention. The article deals with the biography of Battal, studying and teaching, the so-called Egyptian period, return to Russia, Kazan period of life, emigration to Finland and Turkey. Ali Birindzhi considered his scientific works and made a list dividing them into periods.

Key words: Gabdoullah Battal-Taimas, Gayaz Iskhaki, Rizaetdin Fakhreddin, Yusuf Akchura, Galimzhan Barudi, Ismail Gasprinsky, medrese «Caravan Sarai», sheikh Zainulla Rasulev, Milli Shura, Turkic Tatars, «Kazan Turki», Kargaly, Orenburg, Troitsk, Istanbul, Ankara, Helsinki, cemetery Karadzaaahmet, Kazan, Egypt, Cairo, newspaper «Tardzheman», «Vakyt», «Yulduz», «Kurultay».